

ИВИ ВУДС

ТАЙНА ПЕКАРНИ МАДАМ МОРО

перевод Дарьи Воронковой

роман

МИО

МИФ Проза

Иви Вудс

Тайна пекарни мадам Моро

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

Вудс И.

Тайна пекарни мадам Моро / И. Вудс — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250984-3

Иногда судьба подбрасывает нам не то, что мы ждем, а то, что нам действительно нужно. Эди Лейн оставила все – Ирландию, горечь потерь, беспросветную рутину, – чтобы исполнить мечту: отправиться в Париж. Но жизнь играет с ней злую шутку: вместо роскошной столицы Эди попадает в тихий городок Компьень, вместо уютного заведения с открытки – в пекарню с мрачной хозяйкой и строгими правилами. По ночам из подвала доносятся странные звуки, мадам Моро и ее помощник явно что-то скрывают, а к кухне, где создается восхитительная выпечка, велено не приближаться. Это место определенно хранит какие-то тайны, и Эди решительно намерена их узнать.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-00-250984-3

© Вудс И., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Информация от издательства	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иви Вудс

Тайна пекарни мадам Моро

Информация от издательства

Original title:

THE MYSTERIOUS BAKERY ON RUE DE PARIS

Evie Woods

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных средств.

Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением.

Употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title The Mysterious Bakery on Rue de Paris

© Evie Woods 2026

Translation © MANN, IVANOV & FERBER 2026, translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

Evie Woods asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Посвящается всем, кто чувствует вкус к волибству

Пролог

Затерянная среди мощеных улиц Компьеня, эта пекарня не походила ни на одну другую. Те, кто решался переступить ее порог, утоляли не только голод в желудке, но и в душе. Когда день только начинался и город окутывали мягкие предрассветные сумерки, здесь, в подвале, пекарь, густо посыпав ладони мукой, месил тесто и добавлял туда секретный ингредиент.

Вскоре по городу поползли слухи о загадочной пекарне, где продают волшебную выпечку, вкус которой прогоняет самое страшное горе. Всего один кусочек круассана способен привнести в жизнь удачу, пробудить дорогие сердцу воспоминания или выпустить на волю скрытые желания.

Но тучи на горизонте сгущались, и с приходом войны изменилось все.

Глава 1

Рецепт катастрофы не так уж и сложен. Возьмем сильное стремление принимать желаемое за действительное, добавим солидную пригоршню топографического кретинизма и щепотку отчаяния, вызванного страстным желанием изменить хоть что-нибудь, – и вот мое блюдо готово: я забаррикадировалась в туалетной кабинке на Северном вокзале в компании со стыдом и смущением. Я сомневалась, что вообще рискну выйти за дверь, поэтому приняла лучшее решение – прокрутить в голове всю цепочку событий, которые привели меня в эту точку, ведь тогда я наверняка смогу почувствовать себя еще хуже.

Когда я приехала в Дублинский аэропорт, дождь превратился в самый настоящий шторм. Потоки воды с такой яростью обрушивались вниз со свинцовых небес и с такой силой хлестали по асфальту и крышам зданий, что казалось, будто это боги пытались выразить недовольство моим решением уехать.

– Париж? Тот, что во Франции?

– Пап, да, мы уже раз сто это обсудили, и, пожалуйста, перестань вести себя так, будто я лечу на окраину Монголии. – Пока я в очередной раз проверяла, взяла ли паспорт, старенький верный «Форд» остановился у входа в терминал.

– Я и не думал, Эди, просто... – он колебался, потирая заросший утренней щетиной подбородок, и старательно избегал моего взгляда. – Уверена, сама-то? Срываться во Францию... это уж чересчур, а? Может, тебе, я не знаю, кошку завести?

Великолепно. Хуже кризиса личности только ситуация, когда твой отец подмечает, что у тебя кризис личности. Я достала из сумочки телефон, чтобы удостовериться, что вылет не задерживают.

– Мне пора. Слушай, у меня все будет хорошо. И у тебя тоже.

– Это я должен говорить тебе такие слова, – немного смущенно отозвался папа.

Мы не впервые менялись ролями. Я слишком рано познала мир взрослых эмоций, и именно поэтому теперь должна была совершить нечто столь радикальное. Этот решительный шаг к самостоятельности был попыткой разобраться, кем я стану без висящего надо мной дамочковым мечом прошлого. Откликаясь на вакансию в интернете, я чувствовала себя чертовски уверенной. Это случилось однажды вечером, после пары бокалов вина, когда я как обычно фантазировала о переезде за границу. Я залезла на сайт «Работа для англичан во Франции», вбила в поисковой строке «Париж» – и тут-то оно и выскочило:

Требуется помощник менеджера в небольшую пекарню в Париже. Жилье предоставляется. Владение английским языком обязательно.

Я резко села на кровати и уставилась на экран. Такая работа была мне по силам: я точно знала, что смогу, несмотря на языковой барьер. Воображение заполонили картины шикарной,

элегантной булочной где-нибудь в фешенебельном квартале Парижа, современной, но с винтажным шармом.

Честно сказать, меня поразило то, как быстро я получила работу – даже собеседование нельзя было в полном смысле назвать таковым. Я не могла поверить собственному везению. По телефону мне задали пару вопросов, чтобы удостовериться, что я владею английским языком и что у меня есть опыт в сфере обслуживания, – вот и все. До сих пор моя карьера если и двигалась, то в тупиковом направлении. После школы я не знала, чем хочу заниматься по жизни, поэтому устроилась официанткой в кафе – думала, это временно, просто чтобы домашние не так наседали и чтоб не сидеть без денег, пока я пытаюсь разобраться в себе. Однако будущее не вырисовывалось, напротив, становилось все более туманным, а работа оставалась единственным островком стабильности. И вот мне тридцать, и я не могу представить себя где-то еще, кроме кафе... И так было до звонка из Парижа.

Оказавшись в терминале, я попыталась отвлечься от мыслей о неловком прощании с отцом. Что бы такое взять: румяна от *Мас* или жидкую подводку для глаз? Я не так часто балую себя, но ведь это Париж – а значит, нужно быть на высоте. От размышлений меня отвлекло объявление по громкой связи, зачитанное молодым женским голосом с легкой хрипотцой:

– Внимание, пассажир Эдит Лейн, вылетающая в Париж рейсом E1754. Просьба срочно пройти на посадку к выходу девять. Посадка завершается. Спасибо.

Я схватила румяна и подводку, швырнула деньги на стойку перед продавщицей и бросилась бежать. Впереди меня ждало великое приключение, и я не собиралась упустить ни секунды. Много лет мы с мамой смотрели старые фильмы, завидуя элегантным актрисам вроде Грейс Келли или Одри Хепберн. Они воплощали на экране бесстрашных героинь, а я лишь мечтала однажды стать такой. Одна эта мысль – мы вместе на старом диване, слушаем старые мамины пластинки с джазом, мечтаем о том дне, когда я наберусь смелости и сыграю главную роль в собственном фильме, – была сладкой и горькой одновременно. Вместо того, чтоб расправить крылья и вылететь из гнезда, я осталась – потому что была нужна маме. Нет, она не просила ни о чем, но заботиться о ней было для меня так же естественно, как дышать. Именно тогда фильмы, такие как «Завтрак у Тиффани» и «Высшее общество», стали для нас спасением. Позже я пополнила эту коллекцию новинками: «Амели» и «Мулен Руж» создали мир фантазии, неподвластный времени. Мир, в котором мы могли притворяться, что реальности не существует.

Сколько себя помню, я всегда была одержима «городом любви». Родители провели в Париже медовый месяц и говорили о нем так, будто это было самое волшебное место на свете. Всякий раз, когда нужно было приободриться, мы доставали старый фотоальбом, и мама рассказывала о том, где они побывали и что видели. В школе я выбрала французский язык в качестве иностранного и без умолку болтала о том, что когда-нибудь буду жить там. Мой отец, шеф-кондитер, обещал, что мы переедем во Францию всей семьей... но есть обещания, сдержать которые невозможно, как бы сильно ты ни старался.

* * *

Дождь продолжал безжалостно хлестать, заливая овальный иллюминатор в самолете. Я заметила высокого мужчину с проседью в волосах: он пробирался через проход между креслами, выискивая свое место. Что-то в его пронзительно-голубых глазах привлекло мое внимание. Я попыталась придать лицу беззаботное, дружелюбное выражение, и, к моему огромному удивлению, это сработало: он улыбнулся в ответ и опустил в кресло рядом со мной.

«Ничего себе, вот и романтичное знакомство, – подумала я. – А мы ведь даже еще от земли не оторвались!»

Он расстегнул пальто, явив миру белый воротничок и крест, приколотый к рубашке возле груди.

– Не возражаете, если я здесь сяду? – вежливо спросил он.

– Все нет, святой отец, – разочарованно выдохнула я. Ну ладно, по крайней мере, Бог присматривает за нашим самолетом, что весьма кстати, учитывая, что мы летим навстречу ярости небес. Пока турбулентность раскачивала нашу консервную банку, я пару раз принималась мысленно молиться, и, уверена, не я одна. Младенцы плакали, дети хныкали, а я тревожно грызла ногти, гадая, почему именно сегодня вселенная решила устроить чертову бурю.

– Вы в порядке? – вопрос священника-щеголя, сидевшего рядом, вывел меня из панического оцепенения.

– Кто, я? В полном, – заверила я. Определенно присутствие рядом божьего человека успокаивало.

– Переживать не о чем, – заявил он, закрывая триллер Кена Бруена, которым зачитывался до этой минуты. – Что касается нашей истории, я прочел до конца, и, уверяю вас, мы доберемся до финала живыми и здоровыми.

Он озорно подмигнул мне, и я рассмеялась, понемногу расслабляясь.

– Что ждет вас в Париже? – поинтересовался он.

– Работа. Я устроилась помощником менеджера в маленькую пекарню.

– Как интересно! Разве не удивительно, что во всем Париже не нашлось достойного кандидата и они пригласили вас, – он покачал головой.

Меня поразило, что эта мысль ни разу не пришла мне в голову, – а еще стало неприятно, что посторонний человек заметил столь очевидную странность. Я вежливо улыбнулась в знак согласия, но внутренне ощутила, как туча сомнений нависает над моим прежде безоблачным будущим. Что мне на самом деле известно про эту новую работу? Почему они так быстро согласились, даже толком не проведя собеседование?

– У вас в Париже семья? – Оказывается, мой священник еще не закончил с допросом.

– Нет, никакой семьи, я еду одна.

Собственный оптимизм показался мне насквозь фальшивым.

– Право, вы очень храбрая, – заметил он.

Кажется, этот парень переставал мне нравиться. С каждым его словом я все больше начала сомневаться в себе. Слегка кивнув, я отвернулась к окну, намекая, что больше не хочу общаться.

Вспышка молнии осветила салон самолета, и на мгновение стало очень тихо, а потом дети захныкали еще сильнее.

Черт, подумала я. Вот, что бывает, когда грубишь священнику. Закрыв глаза, я вцепилась в сумочку, прижала ее к груди (можно подумать, если самолет будет падать, она мне непременно понадобится) и прошептала: «Мама, мамочка, помоги». В конце концов, включилась внутренняя связь, и капитан заверил нас, что все в порядке и мы готовимся совершить посадку в аэропорту Шарль-де-Голль.

* * *

Лицо милой Джули, владелицы булочной на Рю-де-Компъен, надолго врезалось мне в память. Фасад здания я узнала сразу же, потому что долго любовалась фото в их «Инстаграме»¹. Когда я переходила дорогу, по воздуху вдруг разнеслись звуки музыки: трио музыкантов взяло первые аккорды классической джазовой композиции, которую я неоднократно

¹ Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ. *Прим. ред.*

добавляла в разные плейлисты. Один сидел, обняв аккордеон, другой брэнчал на гитаре, а высокий худой мужчина в кепи играл на контрабасе. Ура, я на месте! Однако после короткого разговора на ломаном французском вперемешку с английским стало очевидно, какую идиотскую ошибку я совершила.

– *Désolée, mais je crois que vous vous trompez*², – сообщила Джули, расставляя чашки на подносе, который официантка намеревалась отнести за столик на четверых.

Tromper – это слово я вроде бы знала. *Se tromper* – ошибаться. Я достала телефон и открыла объявление о вакансии, на которую откликнулась. Джули сняла очки и уставилась на экран.

– *Ah, voici La Boulangerie sur la Rue de Compiègne. Vous cherchez La Boulangerie sur la Rue de Paris. A Compiègne*³.

Меня охватил стыд пополам с паникой, да такой, что я покраснела с головы до пяток. Даже с моим скромным знанием французского, я поняла, о чем она говорит: не та пекарня! Хуже всего было то, что я застыла как вкопанная. Джули ждала, когда я отойду от стойки, все было сказано – а я не могла двинуться с места, будто у меня внезапно иссяк заряд энергии. Где, черт возьми, находится этот Компьень?

Официантка с пустым подносом подошла к стойке и, увидев мое лицо, видимо, сжалась.

– Я немногó знаю английский, можно посмотреть?

От ее доброты я едва не разрыдалась. Соберись, Эди! Не хватало еще устроить сцену в публичном месте. Она посмотрела на экран и утвердительно кивнула. «Ну, слава Богу, – подумала я, – хоть кто-то понимает, куда мне предстоит ехать».

– Вам нужно сесть на поезд до Компьеня, он примерно в часе езды к северу от Парижа.

– Простите, вы сказали... в часе езды к северу от Парижа?.. Нет-нет, это какая-то ошибка! Я приехала, чтобы работать в... *Boulangerie et Pâtisserie de Compiègne*... в Париже.

С каждым словом моя уверенность иссякала.

– Давайте я покажу. – Официантка открыла карту на телефоне. – Видите, *le department* Уаза, район Пикардия? *Vous voyez là*?⁴

– *Oui, je vois*⁵, да, – прошептала я, чувствуя, как сжимается сердце. Я не буду жить и работать в Париже! И раз так, то где еще меня ввели в заблуждение? Милая официантка продолжила объяснять мне что-то и даже дала записку – должно быть, я выглядела совсем потерянной. В конце концов, даже в родной стране я не могла до конца быть уверенной, что означает слово «департамент».

– *Alors, nous sommes juste à côté*⁶, мы находимся прямо рядом с Северным вокзалом, – заключила она. По-видимому, с вокзала я могла доехать до той пекарни, в которую меня на самом деле приняли на работу. Возможно. Существует ли эта пекарня на самом деле? Или меня обманули? Я поблагодарила обеих женщин, затем, следуя их указаниям, добралась до железнодорожного вокзала, зашла в туалет, заперлась в кабинке и принялась рыдать.

* * *

– Ну ладно, – сказала я, обращаясь сама к себе. Надо, в конце концов, что-то сделать, не могу же я всю ночь провести в туалете. Я бы позвонила домой, но мне не хотелось, чтобы

² Извините, я полагаю, вы ошибаетесь. Здесь и далее перевод с французского, если не указано иное. Прим. пер.

³ А, у нас пекарня на Рю-де-Компьен. А вам нужна пекарня на Рю-де-Пари, в Компьене.

⁴ Вот, видите?

⁵ Да, я вижу.

⁶ Это совсем недалеко.

папа узнал, что он был прав, что все это всего лишь глупая затея в попытке переосмыслить свою жизнь (так все и было). Палец завис над номером телефона моей подруги Джеммы. Мы одновременно начали работать в кафе, и со временем она стала для меня почти что лучшей подругой. И все-таки даже Джемма не знала меня настоящую: я так привыкла держать улыбку и позитивный настрой дома, что перенесла эту привычку на общение со всеми окружающими меня людьми. Именно ей-то и не следовало звонить. Она с таким энтузиазмом рассуждала, что я «открываю свое истинное “я”» – разве можно допустить, чтобы она узнала правду? Я не имела ни малейшего понятия о своем истинном «я», а Джемма находилась за много миль отсюда. Нет уж. Настало время самой принимать решения и не думать о том, как поступили бы другие на моем месте. Для начала надо выяснить, насколько реальна работа, ради которой я приехала во Францию.

Я отыскала номер мадам Моро – моей потенциальной работодательницы – и после нескольких гудков, когда сердце уже почти перестало биться, она ответила.

– Алло? – Голос был хриплый и явно немолодой.

Я припомнила фразу, которую отрепетировала заранее.

– Эм... *oui*. Здравствуйтесь, эм, *bonjour*, мадам Моро... эээ, *ici* Эдит Лейн?

По плану каждое предложение надо было заканчивать вопросительным знаком, как бы уточняя: «Вы понимаете меня?» Хотя последние пару недель я не вылезала из приложений по изучению иностранных языков, а еще пересматривала «Амели», собственный уровень французского казался мне ужасающе низким.

– *Que voulez-vous?*⁷

– Да... Ну, *je suis*⁸ здесь, в Париже, а вы... эм... не здесь.

Тишина.

– *Je cherche la boulangerie?*⁹ – Мой голос дрогнул.

– *Ah, vous êtes la fille qui va travailler dans la boulangerie, c'est ça?*¹⁰

– *Oui*, да, вы наняли меня на работу в пекарню. Я Эдит, я приехала из Ирландии... *Irlandaise!*¹¹

Надо сказать, я испытала огромное облегчение, когда она откликнулась на мое имя. Итак, я не сошла с ума, а работа на самом деле существует.

– *Vous devez aller à la Gare Du Nord, et vous prenez le train à Compiègne, d'accord? A plus tard alors!*¹².

– Да, это я уже поняла, только вот...

Она уже повесила трубку.

– Эй, алло? Мадам Моро? – Я с негодованием выдохнула. – Ну ладно, я просто загуглю, какие проблемы?

Итак, в довершение всего я еще и разговариваю сама с собой. Вслух.

Поискав по карте пекарню, я обнаружила, что она располагается на маленькой улочке, у которой нет названия.

– Наверное, какая-то ошибка, – пробормотала я, шурясь. Ко всему прочему, мне еще и очки нужны, класс. Очередное свидетельство того, что годы проходят мимо, не считаясь с моими желаниями. Я сунула телефон в сумку и решила наконец выйти из кабинки туалета и начать что-то делать. Раздражение – отличное топливо.

⁷ Что вам угодно?

⁸ Я есть.

⁹ Я ищу пекарню?..

¹⁰ А, вы та девушка, которая хотела работать в пекарне, верно?

¹¹ Ирландка!

¹² Вам нужно добраться до Северного вокзала и сесть на поезд до Компьеня, хорошо? Тогда увидимся позже.

Я посмотрелась в зеркало и поняла, что выгляжу очень жалко. Пышная прическа, которую я с таким старанием укладывала с утра, растрепалась, шикарное кремовое пальто было помято, а подводка от *Mac* – та самая, купленная в аэропорту! – от слез размазалась акварельными кругами, как у панды. От вида этой картины скомканной красоты и разбитых надежд у меня сам собой задрожал подбородок.

– Да сколько можно, ты же взрослая женщина, возьми себя в руки! – прикрикнула я на собственное отражение и даже отвесила себе резкую пощечину. Стало только обиднее.

– Ладно, попробуем по-другому... Никто не говорил, что будет легко, – я заговорила как чтец в аудиокниге с полезными аффирмациями. – Каждой героине суждено преодолеть массу препятствий, и все это – не более, чем очередные препятствия на твоём пути.

Позитивный настрой немного успокаивал расшатанные нервы, и я вытащила из сумки салфетку, чтобы поправить макияж и вместе с тем восстановить уверенность в себе.

– Ну, может, я не буду жить гламурной жизнью в Париже, – бормотала я, – но ведь этот Компьень не так уж далеко. И, кто знает, может это самый живописный уголок во всей Франции?

Вот это настрой! К тому же, чего бы я стоила, если б отказалась от своего Большого Приключения еще до того, как оно по-настоящему началось?

Из соседней кабинки вышла женщина и настороженно уставилась на меня.

– О, не обращайтесь внимания, просто я разговариваю сама с собой, ничего такого!

Ответом на мой шуточный тон было абсолютно каменное лицо. Очевидно, я уже пользуюсь огромным успехом у французов.

* * *

– *Alors*¹³, поезда отходят каждые пятнадцать минут, а билет стоит двенадцать евро и пятьдесят центов, – сообщила женщина в билетной кассе, сжавшись надо мной и перейдя на английский. – Желаю вам приятного пути, мадам.

– Мадемуазель, – проворчала я, пытаясь сосредоточиться на карте, которую мне выдали, полную странных названий улиц и номеров дорог.

Я села на поезд, следующий маршрутом Париж – Сен-Кантен с билетом до Компьеня. Удалось найти место у окна, хотя к тому времени, как мы поехали, небо уже начало темнеть и огни Парижа прощально замигали. Покрытые позолотой памятники, взмывающие к небу фонтаны, красно-бело-синие флаги, развевающиеся над каждым зданием... я только приехала, но уже оставляла Париж за спиной. Прижавшись лбом к стеклу, я старалась найти хоть что-то хорошее в этой ситуации. Вспомнились старые фильмы, которые мы так часто пересматривали вместе с мамой. Поначалу ничего никогда не клеилось, и главные герои порой до самых финальных титров не могли обрести заслуженное счастье. Я должна была верить, что, несмотря на трудности, путешествие стоило того. Может, дело вовсе не в том, сбываются ли мечты (хотя было бы здорово, конечно). Может, важно просто стремиться к ним, как бы ни складывалась история. Что ж, это мы проверим...

Я достала телефон и набрала номер, по которому звонила только в особых случаях, когда мне нужно было крепкое душевное объятие. Звонок ушел на автоответчик, и я услышала, как мама поет:

*Улыбайся, даже если болит на сердце,
Улыбайся, хоть оно и разбито,
Пусть на небе тучи – это все пройдет.*

¹³ Итак.

*Если будешь улыбаться сквозь слезы и печаль,
Будешь улыбаться, и тогда, может быть, завтра
Увидишь, как для тебя восходит солнце...¹⁴*

¹⁴ Песня *Smile* американского джазового исполнителя Нэта Кинга Коула.

Глава 2

К тому времени, как поезд подъехал к Компьеню, уже окончательно стемнело. Уставшая и голодная, я натянула пальто и приготовилась снова шагнуть в неизвестность. Сойдя с поезда, я сразу заметила мальчика лет пятнадцати: он сидел на одной из двух скамеек на платформе. Поглощенный какой-то видеоигрой, он обнаружил мое присутствие, только когда колеса чемодана загрохотали по асфальту – и немедленно высунулся из капюшона толстовки.

– *Pardon, Madame?* – крикнул он.

Инстинкт самосохранения требовал не обращать внимания, сохранять спокойствие и продолжать движение – что я и сделала.

– *Pardon, êtes-vous Madame Lane?*¹⁵ – настойчиво повторил парень. Я остановилась и развернулась на сто восемьдесят градусов.

– Ох, да, то есть, *oui*. А ты?..

– *'Je m'appelle Manu. Madame Moreau m'a envoyé vous chercher*¹⁶.

– *Oh, bonjour*, – промямлила я, едва разбирая его стремительную французскую речь. Его зовут Ману и, судя по всему, мадам Моро прислала его встретить меня. Хорошо. Мальчик уже перехватил мой чемодан за ручку и двинулся к выходу со станции.

– Но погоди, я...

Бесполезно – что бы я ни сказала, слова лишь долетят ему в спину. Все, хватит с меня! Я устала, я голодна, и мне до смерти надоело, что в этой стране все обращаются со мной как с идиоткой.

– Эй, парень, слышишь меня? Я ехала сюда целый день, меня чуть не убило грозой, и, полагаю, меньшее, что вы можете, – сказать точно, куда мы направляемся, вместо того, чтоб гонять меня туда-сюда, как заблудшую овцу!

Ух, как это было хорошо! Я не сомневалась, что этой фразой сразила его наповал.

Однако Ману небрежно обернулся и бросил *«la boulangerie»*¹⁷, как будто это было совершенно очевидно (впрочем, не поспоришь...). Он махнул рукой, приглашая меня следовать за ним, и двинулся в путь, катя за собой мой новенький чемодан.

– И чтоб ты знал, не мадам, а мадемуазель! – припечатала я, надеясь оставить последнее слово за собой.

Я нагнала своего проводника в капюшоне, и мы вышли со станции на старую мощеную улицу. Она казалась пустынной, абсолютно далекой от моих парижских мечтаний, но при этом был здесь и дух старины, поэтому, игнорируя холод и темноту, я старалась с оптимизмом смотреть в будущее. «Одна чашка горячего чая – и мне сразу станет лучше», – уверяла я себя.

¹⁵ Простите, это вы мадам Лейн?

¹⁶ Меня зовут Ману. Мадам Моро прислала меня за вами.

¹⁷ В пекарню.

Наш путь пролегал мимо реки, вдоль которой выстроились скамейки и подстриженные деревья. Периодически реку пересекали нарядные мостики, ведущие незнамо куда на другую сторону. Я не могла вообразить, что когда-нибудь буду чувствовать себя здесь как дома. Будь у меня пес, я бы сказала ему, что теперь-то мы уж точно не в Канзасе. Мы завернули за угол и, к моему удивлению, вышли на улицу, застроенную деревянными домиками в духе Англии эпохи Тюдоров. Старый город походил на сказочную деревню, и я почти верила, что стены будут пряничными. Ни одного прямого угла. Маленькие слуховые окна, выглядывающие из-под остроконечных крыш-шляпок.

– *Ici*, – коротко объявил мой проводник. – Сюда.

Над головой мелькнула вывеска *La Boulangerie et Pâtisserie de Compiègne*¹⁸, а на углу здания обнаружилась маленькая табличка с названием улицы – Рю-де-Пари¹⁹. Ох, как же я ругала себя за невежество!

– *Comment?* – Ману так медленно произнес это слово, будто наш разговор лишил его сил.

– Ничего, забудь... как это сказать? *Peu importe?*²⁰

В ответ я получила нечто среднее между ворчанием и фырканьем. У Ману обнаружился ключ, и этим ключом он отпер стеклянную дверь в пекарню. При мысли о моих карьерных перспективах во Франции я невольно снова ощутила волнение. Первое, что бросилась в глаза, – напольная плитка с изысканным орнаментом, переливающаяся голубым и золотым с ярко-оранжевыми вкраплениями по центру. Простая, но функциональная стойка – поскольку день уже подошел к концу, она, естественно, пустовала. В просторном помещении хватало места для трех типично французских столиков со стульями, все у большого окна, выходящего на улицу.

Большое зеркало в стиле ар-нуво в позолоченной раме растянулось на всю стену от пола до потолка, визуально увеличивая пространство. Медовый свет бра тускло освещал комнату, и, когда мои глаза привыкли к темноте, я внезапно обнаружила перед собой крепкую женщину в черной юбке до колен и такого же цвета кардигане, крепко охватившем ее пышную грудь. Угрюмое лицо в обрамлении седых волос едва хранило отпечаток давно ушедшей доброты. Я невольно сделала шаг назад.

– Мадам Лейн, – произнесла она, и это не было ни вопросом, ни утверждением.

– Ммм, *je suis*²¹ мадемуазель, если честно, – растерянно сообщила я.

Глубоко посаженные карие глаза мадам казались грозными, и это впечатление не сглаживал даже ее маленький рост.

– *Venez, je vais vous montrer votre chambre*²².

Chambre... Ах да, моя комната! В ее устах это звучало так, будто речь шла о викторианском пансионе для благородных девиц (я вступаю в мою «Джейн Эйр»-эру!).

Сказав это, мадам Моро направилась в сторону открытой двери за стойкой и начала бесшумно взбираться по довольно крутой лестнице. Я обернулась поблагодарить Ману, но его уже и след простыл.

– Добро пожаловать во Францию, Эдит! – пробормотала я, берясь за ручку чемодана.

Карабкаясь вверх по лестнице следом за мадам Моро, я безуспешно пыталась удерживать чемодан, которым то и дело задевала стены узкого прохода, и в конце концов решила нести его над головой. Лестница круто повернула на девяносто градусов, а затем совершенно неожиданно вывела в маленькую квартиру-студию. Пожалуй, слово «чердак» подошло бы куда больше для описания моего нового жилища. В ближнем конце вытянутой комнаты, напро-

¹⁸ Пекарня-кондитерская Компьень.

¹⁹ Дословно: «Улица Париж».

²⁰ Неважно.

²¹ Я.

²² Пойдемте, я покажу вашу комнату.

тив неразожженного камина, стояла кушетка, а по правую руку была кухня с электрической плиткой и раковиной, над которой примостилась крошечная полочка. Дальний конец комнаты весьма непрактично оккупировал большой дубовый шкаф, а полупрозрачный экран отделял, как я предположила, ванную комнату.

– *Voilà*, – сообщила мадам Моро, явно гордящаяся этими апартаментами.

Я потеряла дар речи, что она восприняла как свидетельство моего глубочайшего восхищения. Грубовато бросив «*Bonne nuit!*»²³ и наказав встать на работу к семи утра, она оставила меня, обомлевшую, в этом кукольном домике.

Я швырнула чемодан на кровать и сама рухнула следом. Ветер, забиваясь под карниз, свистел, и я невольно стала вслушиваться в другие незнакомые звуки: журчание старых труб, кошачий мяв на улице. Луна за маленьким квадратным окном казалась похожей на ноготь, прилипший к небу.

Телефон звякнул, уведомляя о новом сообщении, и это вывело меня из мини-комы. Папа, разумеется. Проверяет, добралась ли я до Франции в целостности и сохранности. Я написала, что благополучно доехала и только что заселилась в очаровательную квартиру. Неизвестно почему, эта маленькая ложь придала мне сил подняться, распаковать вещи и предпринять попытку обустроиться в моих апартаментах. Мне было не привыкать по максимуму использовать крошечное пространство, и, хотя я надеялась, что в путешествии будет нечто большее и лучшее, мне удалось убедить себя, что великое начинается с малого.

* * *

Той ночью я спала беспокойно и проснулась от каких-то странных звуков, наполнявших все здание. «Наверное, балки скрипят», – подумала я и снова погрузилась в сны, яркие и тревожные. Как всегда, где-то рядом была мама, мы плыли на корабле и надеялись добраться куда-то. Потом я вдруг потеряла ее и весь остаток сна отчаянно пыталась отыскать, бегая по этажам. Проснулась я от собственных тихих всхлипов. Почти сразу же зазвонил будильник на телефоне, возвещая о начале моего первого утра во Франции. Было шесть часов, и я уже чувяла доносящийся снизу аромат свежего хлеба. Накануне вечером мне не пришло в голову спросить, как зовут пекаря и где он работает. Ну что ж, сегодня мой первый официальный рабочий день, а значит, скоро я узнаю все о том, как работает это заведение.

На чердаке – в студии, как я решила называть свою квартиру из романтических соображений, – было чертовски холодно. Если потрогать нос, можно было подумать, что я провела ночь на Северном полюсе; да и пальцы ног свидетельствовали в пользу этой теории. Вообще все конечности были на грани обморожения. Очевидно, что с концепцией теплоизоляции здесь никто не знаком. Я принялась разжигать огонь в камине, воспользовавшись вязанкой дров в стоящей рядом корзинке. Пятнадцать минут спустя, когда всю комнату наполнили клубы сизого дыма, от которого заслезилась глаза, я признала свое поражение и ограничилась тем, что включила электрическую плитку – для обогрева и чтобы вскипятить воду для кофе. Натянув шерстяные колготки и красное клетчатое платье, я изображала бодрый утренний танец на холодном полу. Наверняка найдутся люди (и мой отец в их числе), которые заметят, что март – не лучший месяц для переезда за границу. Трудно с этим спорить, когда по спине марширует армия мурашек. Но мадам Моро очень настаивала на том, что помощник менеджера нужен ей срочно, и это заставляло задуматься: а что же стало с предыдущим сотрудником?

²³ Доброй ночи!

Глава 3

Без четверти семь я осторожно спустилась вниз по лестнице. Мадам Моро уже стояла за прилавком, раскладывая по плетеным корзинкам багеты, буханки и булочки всех форм и размеров. Запах стоял совершенно дурманящий. Теплый хлеб наполнял воздух сладковатым, сбивающим с ног ароматом; казалось, будто комната приняла меня в теплые сдобные объятия. У меня потекли слюнки. Поправив платье, я поприветствовала мадам Моро.

– *Tiens*²⁴, – вот и все, что она сказала, протянув мне темно-синий клетчатый фартук.

– *Merci*, – дружелюбно отозвалась я, игнорируя ее сухую манеру вести диалог.

– Мадам Моро, я хотела узнать, когда я смогу посмотреть кухню... ну знаете, печи, то самое место, где творится волшебство? – Я зачем-то развела руки и, растопырив пальцы, потрясла ими, как делают артисты в мюзиклах.

Взгляд, которым меня смерили, можно было охарактеризовать так: презрение, смешанное с изрядной долей раздражения.

– От вас не потгебуется спускаться вниз, никогда.

Ее внезапный ответ потряс меня до глубины души. Я знала, что мадам Моро немного говорит по-английски – это упоминалось в описании вакансии (в той части, где объяснялось, что Компьень весьма популярен у туристов). Но то, что она впервые произнесла на моем родном языке именно эту фразу, могло значить лишь одно: она хотела, чтобы я железно поняла ее. Спускаться вниз запрещено.

– Конечно, без проблем. Я просто подумала, было бы неплохо...

– *Non!* – отрезала она, впившись в меня темными глазами. От этого взгляда кровь стыла в жилах.

– *Non*, хорошо, я поняла, – насупилась я.

– *Écoutez, Édith*²⁵, – заговорила она, сменив гнев на примирительный тон, – *ze Boulanger*²⁶, он *très*²⁷ разборчив в том, кто входит в его кухню, *hein?*²⁸ Газве не лучше, чтоб вы упгавлялись с магазином, *non?* – и она покачала головой, как бы соглашаясь сама с собой.

К сожалению, французы не используют глухой межзубный звук «т», так что на протяжении всей ее речи я пыталась осознать тот факт, что вот это «Эди-и-и-и» было не чем иным, как моим именем.

– *Édith, vous comprenez?*²⁹

²⁴ Держите.

²⁵ Послушайте, Эдит.

²⁶ Пекарь.

²⁷ Очень.

²⁸ Понимаете?

²⁹ Эдит, вы согласны?

– Извините? Ох, да, я поняла. Ворчливый пекарь, не беспокоить, – медленно проговорила я, параллельно записывая услышанное.

– Что есть это? – мадам Моро с удивлением посмотрела на блокнот у меня в руках.

– О, это для заметок. Понимаете, я люблю все записывать, чтобы, если что-то вдруг забудется, я могла посмотреть... Эм, ну в блокнот.

Ее озадаченный вид сбивал с толку. Нет, серьезно, что надо этой старой ворчунье? Я ведь демонстрирую профессиональный подход!

– А еще я могу записывать сюда заказы, верно?

Услышав это, она усмехнулась, но как-то не неприятно, а немного озорно. От этого я начала нервничать еще больше.

– *Ma pauvre*³⁰, у вас не будет вгемени записывать. – Она хихикнула и продолжила раскладывать хлеб по корзинкам.

Трудно было вообразить, что маленькая пекарня в провинциальном городке будет ломиться от посетителей, но я решила оставить свои мысли при себе. В этот момент в дверях появился Ману, и выглядел он куда бодрее и опрятнее, чем накануне вечером. После серии взаимных *bonjours* он принялся грузить коробки с хлебом на маленький скутер, стоящий на улице. Растущая башня коробок, казалось, игнорировала всякие законы гравитации. Поймав мой любопытствующий взгляд, мадам Моро пояснила, что Ману отвечает за доставку свежей выпечки в местные отели и рестораны. Несмотря на старомодный интерьер, этот бизнес, похоже, был неплохо организован и процветал в достаточной мере, чтобы платить как минимум четырем сотрудникам.

Мадам Моро дала мне первое задание – заполнить витрину возле прилавка разнообразными, но крайне аппетитными мучными изделиями. Начала я с классических *pains au chocolat*³¹ и круассанов, разместив их в больших корзинах, украшавших витрину. Два больших круглых открытых пирога, ярко-желтых, как солнце, положила на нижнюю полку, а рядом – *tarte Tatin*³². Средняя полка предназначалась для несладкой выпечки (*croque-madame* и *croque-monsieur*³³), а также для пиццы, нарезанной квадратами. Ну а верхняя полка – для соблазнительных лакомств: эклеры со свежими сливками, фруктовые тарталетки, глазированные абрикосовым сиропом, ну и, конечно, маленькие печенья *madeleines*, похожие по форме на морские гребешки. Все это роскошество так и притягивало взгляд, и я вспомнила старую поговорку о том, что есть нужно глазами.

Ровно в семь утра мадам Моро перевернула табличку на двери на *Ouvert*³⁴. К моему удивлению, у дверей уже стояло несколько человек, и она поприветствовала их с таким неприкрытым обаянием, которого я в ней и не подозревала. Я приготовилась встретить своего первого французского покупателя, почти уверенная, что знаний основ мне хватит. Как же я ошибалась! Первый джентльмен, подошедший к стойке, проговорил заказ так быстро, что я разобрала только «*Bonjour*».

– *Um, pardonnez-moi?*³⁵ – вот и все, что я смогла выдать в ответ, и прозвучало это крайне жалко даже для моих собственных ушей.

– *Je prends deux croissants et une baguette, s'il vous plait*³⁶, – повторил он, но напрасно: я оказалась совершенно не готова к скорости, с которой французы говорили на родном языке, к

³⁰ Бедняжка.

³¹ Булочки с шоколадом.

³² Тарт Татен – открытый яблочный пирог. Начинку перед запеканием традиционно обжаривают в масле и сахаре.

³³ Крок-месье – традиционный горячий бутерброд с ветчиной, сыром и соусом бешамель. Крок-мадам – такой же бутерброд, но сверху кладется жареное яйцо (глазунья или пашот), которое символизирует собой женскую шляпку.

³⁴ Открыто.

³⁵ Эм, прошу прощения?

³⁶ Мне два круассана и багет, пожалуйста.

местному акценту, к разговорным словечкам. Именно тогда я впервые – и к сожалению, в присутствии толпы зрителей, – ощутила, что моя авантюра была ошибкой. Огромной. Хотелось выбежать из пекарни, уехать прочь и никогда не оглядываться.

Мадам Моро вмешалась и представила меня постоянным покупателям как «Эдит из Англии». В любой другой ситуации эта неточность стала бы поводом для патриотичной отповеди, но сейчас я тонула – а она бросила мне спасательный круг.

Мужчина, одетый в пальто и шляпу и потому похожий на персонажа детективного фильма, протянул мне ладонь и слегка приподнял шляпу.

– Очень приятно познакомиться с вами, Эдит, – в отличие от мадам Моро, он произнес мое имя правильно. Глаза у него были добрые и умные, и я ответила на приветствие благодарной улыбкой.

– Мсье Легран *est un avocat*³⁷, – пояснила мадам Моро.

– *Avocat, avocat...* – эхом откликнулась я, надеясь, что от повторения слова мне откроется смысл.

– Юрист, – услужливо подсказал он.

– О, ну конечно, я знала это, – откликнулась я с таким видом, будто участвую в интеллектуальном шоу.

Он сделал жест рукой на прощание (и это тоже выглядело очень элегантно) и отодвинулся влево, пропуская следующего покупателя – очередь уже вытянулась до самой двери. Вместо того, чтобы помогать продавать, я, казалось, только замедляла дело. В конце концов, мы с покупателями совместно пришли к выводу, что, пока мой французский не на уровне, лучшая тактика – просто показывать пальцем на то, что хочется купить. По большей части стало выходить довольно неплохо.

Все утро покупатели шли и шли в *La Boulangerie et Pâtisserie de Compiègne*. Кофе-машину мне пока не доверяли, но я быстро освоилась с кассовым аппаратом, который, к счастью, походил на простенький калькулятор. Наступило время обеда: мне сообщили, что с полудня до двух часов дня пекарня всегда закрыта. Немного старомодно, на мой взгляд, – но Ману подтвердил, что мадам Моро неукоснительно придерживается этой традиции. Сначала меня встревожила мысль, что два часа придется провести в одиночестве, в тесной квартирке на чердаке, но, поразмыслив, я пришла к выводу, что это даже идеально – будет время перекусить и малость вздремнуть. Многие блюда теперь казались мне безвкусными, и дома, в Ирландии, мой обед или ужин нередко сводился к пачке хлопьев. Правда, здесь у меня и хлопьев не было: в шкафчиках моей маленькой кухоньки царила пустота. Схватив пальто, я отправилась на поиски *supermarché*³⁸.

На улице стояла весна – один из тех ярких дней, когда можно ослепнуть, просто случайно задрав голову к небу. До этой минуты в городе я видела только то, что можно углядеть во время быстрой ночной прогулки от вокзала до пекарни: мощеные улицы, захлопнутые ставни и ничего более. Однако я и представить не могла, как потеплеет все внутри от вида города, залитого ярким дневным светом. Я словно перенеслась на съемочную площадку фильма со стереотипными французскими пейзажами и персонажами. Местные жители не носили береты, матроски и связки чеснока на шее, но от них так и веяло утонченностью, спокойным осознанием собственной важности. Женщины были одеты неброско, в наряды совсем не от-кутюр, и все-таки чувство стиля разительно отличало их от других европейек. А вот количество курящих, особенно среди подростков, вызывало беспокойство. Мне хотелось крикнуть девочкам с сигаретами: «Подумайте о своих зубах!» Но я смутно припомнила, каково это – быть такой юной, что ты кажешься себе совершенно неуязвимой – и оставила комментарии при себе.

³⁷ Юрист.

³⁸ Супермаркет.

Стремясь выглядеть не отстающей от моды (и не замерзнуть на холодном ветру), я подняла воротник кремового пальто и отправилась в путь. Улица, где располагалась наша пекарня, могла похвастаться и другими заведениями в истинно французском стиле. Традиционная *crêperie*³⁹ с таким же, как в пекарне, деревянным фасадом стояла на пересечении трех улиц, за ней примостилась *tabac*⁴⁰ (а честнее сказать, газетный киоск), а следом – *salon de thé*, то есть чайная. Глядя на все это великолепие, было легко вообразить, что французы только и делают, что утоляют аппетит то тут, то там. Однако, похоже, в обеденные часы закрывалась не только наша пекарня, но и все прочие заведения. Удивительно, насколько здесь другая культура! В Ирландии такое было немыслимо.

Я бродила по улицам, останавливаясь, чтобы полюбоваться картинкой как с открытки: несколько стариков играли в буль (или в петанк?) в прекрасном парке под названием *Parc de Songeons*⁴¹. Во всем чувствовалась какая-то томность: деревья покачивались на ветру, мужчины добродушно спорили о том, чей шар больше (или, может, ближе?..). Свернув за рекой направо, я попала в более современную часть города: пивные и ресторанчики ломались от посетителей, и те выплескивались наружу, сидели на верандах и просто за столиками под открытым небом, впитывая атмосферу. Меня будто швырнуло из прошлого в настоящее, перед глазами возникли офисы, банки, машины, и почему-то это ошеломило меня. Элегантные фасады из светлого камня с белыми ставнями щеголяли чувством собственной важности и казались кричаще совершенными. Я зашла в супермаркет *Monoprix* и совершенно потеряла голову от разнообразия фруктов и сыров – но увы, ими все и ограничивалось. Из приличного чая здесь был только «Английский завтрак», а найти молоко оказалось задачей со звездочкой, и в итоге я ушла без него.

Я вернулась на Рю-де-Пари, и мое внимание привлекла маленькая дверь в восточной части пекарни – судя по всему, она вела прямоком в подвальные помещения, где стояли печи. С торцевой стороны улица шла под уклон, поэтому, хотя основной вход был на уровне первого этажа и еще два этажа громоздилось сверху, если смотреть сбоку, обнаруживалось, что здание куда выше. Выкрашенная в темно-синий цвет дверь с декоративной латунной ручкой казалась старинной. Похоже, этим входом не пользовались, и я невольно начала задаваться вопросом, как же, черт возьми, продукты попадают вниз, а выпечка – наверх? Уж конечно, их не носят туда-сюда через помещение для посетителей!

Я украдкой оглядела переулок, прежде чем потянуться к ручке. Уверенная, что все заперто, я с удивлением почувствовала, что дверь легко поддается, и снова огляделась, не в силах избавиться от ощущения, что за мной наблюдают. Стоило чуть приоткрыть дверь, как вдруг она захлопнулась, будто сильный порыв ветра толкнул ее изнутри. После этого замок словно заклинило, и как я ни дергала ручку, дверь оставалась закрытой.

³⁹ Блинная.

⁴⁰ Табачная лавка (как правило, по совместительству – газетный киоск).

⁴¹ Парк снов.

Глава 4

Вернувшись к себе на чердак, я разложила на тарелке закуски: крекеры, виноград и нарезанный камамбер, который пах как носки, выдавшие худшие времена, – пришлось смириться и сказать себе, что, возможно, это блюдо из тех, которые сперва не переношишь, но со временем начинаешь любить. Все это я запила черным чаем, от которого во рту осталась странная горечь.

– Ну, хватит, пожалуй, – сказала я сама себе, прежде чем слить остатки жижи в раковину и вымыть свою единственную чашку.

Этажом ниже послышался какой-то шум, и я задумалась, там ли живет мадам Моро. Я не осмелилась поинтересоваться у нее накануне вечером, а сама хозяйка пекарни явно не из тех, кто любит рассказывать о себе больше необходимого. Я плюхнулась на софу, пытаюсь привыкнуть к странному предмету, напоминавшему по форме сосиску и лежавшему в изголовье кровати – там, где полагалось быть подушке. Первые сутки, проведенные во Франции, казались вечностью. Так уж бывает, когда выходишь из зоны комфорта: время растягивается, подобно резинке, продлевая чувство дискомфорта, усиливая беспокойство, заставляя остро ощущать собственное одиночество. Ждала ли я, откликаясь на объявление, сварливую пожилую леди вместо начальницы и спичечный коробок вместо дома? Неужели я действительно думала, что незнакомая страна немедленно, как ластиком, сотрет полтора года болезненных воспоминаний? Неужели обманывала себя, полагая, что, погнавшись за мечтой о жизни в Париже, стану счастливой? Я не могла отделаться от мыслей о том, что была идиоткой и что разумнее уехать сейчас, чтобы не мучиться. Мешало сердце. Пусть Франция оказала мне холодный прием, пусть я действовала бестолково и поддалась детской прихоти – в сердце жила надежда, что за поворотом меня ждет удивительное чудо. А кто я такая, чтобы препятствовать чуду?

* * *

Остаток дня я была крайне сосредоточена. «Главное – пережить сегодняшний день», – подбадривала я себя, надеясь, что с каждым новым посетителем буду общаться все более уверенно. Конечно, к нам забредало довольно много туристов – в основном желающих пофотографировать изнутри причудливую *boulangerie*. Было приятно поговорить с кем-то на английском после долгих попыток изъясниться на ломаном французском вперемешку с импровизированным языком жестов. Я отнесла кофе и эклеры мужчине, сидевшему за столиком снаружи. Он держал на поводке симпатичного маленького терьера, и я захватила миску с водой для пса.

– Простите, я не ошибаюсь, у вас ирландский акцент?

– Верно. – Я воспользовалась случаем, чтоб перевести дыхание и глотнуть свежего воздуха. – А у вас определенно английский. Приехали на отдых?

– Живу здесь уже двадцать лет, – ответил мужчина. – А вы?